

Если бы Господь захотел подать людям знак, что наступает конец света, он наверняка выбрал бы тот удушающе жаркий день в этой дыре на юге Италии. В самом деле, апокалипсис, похоже, уже наступил: в два часа пополудни 24 августа 2012 года, когда мы прибыли в Беллоротондо, столбик термометра почти достиг отметки в тридцать девять градусов и по всему было видно, что он ее преодолет.

— Я задыхаюсь, — пожаловался я тихонько, чтобы не напрягать голос сверх необходимого; одновременно я мысленно спрашивал себя, какого черта мы ползем под палящим солнцем по этой пустынной деревне, охватившей концентрическими кругами верхушку одного из апулийских холмов.

Анна, моя жена, не ответила. Мы шли как в замедленной съемке, волоча ноги и стараясь беречь остатки сил. Мы поднимались по бесконечной улице под немилосердным солнцем, ища глазами тень, переулоч, какую-нибудь площадку под балконом, надеясь

уловить дуновение ветерка. Ненадолго останавливаясь перевести дух, мы оттягивали пальцами насквозь пропотевшие, прилипшие к телу футболки, чтобы они подсохли.

Деревня казалась брошенной. С тех пор как мы вышли из машины, из живых существ нам встретились только две собаки, спавшие на старой циновке в тени мусорных баков. Когда мы дошли до конца Корсо Двадцатого Сентября, самой высокой части деревни, электронный термометр добрался до сорока градусов.

Мы чуть было не дезертировали, склонившись перед неизбежностью поражения, когда за углом вдруг обнаружилась площадь, выходящая на склон холма просторной террасой. С нее открывалась великолепная панорама — долина, поросшая виноградниками и оливковыми рощами и спускавшаяся почти к самому Адриатическому морю. Над этим небольшим оазисом раскинулись три рожковых дерева и два каменных дуба. В тени пышных густых крон стояли два монумента, сплошь укрытые венками с ленточками цветов итальянского флага, а рядом две деревянные скамейки с облупившейся краской. На одной из них сидел старик. Он задремал и с трудом дышал — а то и храпел, незаметно для окружающих уснув сном праведника, а может быть, его только что разбил удар: глаза закрыты, голова свесилась набок, рот полуоткрыт. В любом случае, казалось, у него уже не останется сил встать. У ног старика лежала собака, развалившись так, как только средиземноморские собаки умеют развалиться в летней тени в часы, когда нередко солнечные удары, бедное животное словно доживало свои последние часы. Другая скамейка была свободна, и мы упали на нее без сил.

Сидя на скамейке, мы тоже слегка задремали, оглушенные удушающей жарой и монотонным пением цикад, бездельничавших где-то на ветвях рожкового дерева. Через полчаса мы очнулись и подошли к противоположному краю террасы. От вида на долину Итрии и царство труллов*, простершегося до самой береговой черты, захватывало дух; за все наше путешествие мы не видели пейзажа красивее. Но воздух в той стороне был жарок и неподвижен.

Анна осталась на краю террасы фотографировать море оливковых деревьев, усеявших всю долину серебристыми бликами, а я подошел к одному из монументов в центре площади. Оказалось, что это памятник погибшим в Первой мировой войне. На каменной стеле были высечены имена местных уроженцев — я насчитал сорок два. Когда же я принялся перечитывать список внимательнее, у меня перехватило дыхание: половина погибших носили одну и ту же фамилию и, вероятно, были из одной семьи — Пальмизано.

Предчувствуя открытие, я приблизился ко второму монументу — он был посвящен памяти павших на фронтах Второй мировой. В высеченном на камне списке не было ни одного Пальмизано, и я предположил, что эта фамилия — и вся семья — не пережила предыдущей мировой войны. Однако распределение фамилий в списке и здесь было поразительным — на сей раз половина погибших происходила из семьи Конвергини.

* Труллы — традиционные крестьянские дома с купольной крышей, строятся методом сухой кладки, распространены в центральной и южной частях итальянской области Апулия. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Я вернулся к первому памятнику и позвал Анну. Когда она подошла, я не удержался от едкого и горького замечания, для нее пока непонятного:

— Кажется, в этой деревне апокалипсис наступил уже сто лет назад!

— Ты о чем?

— Да так, кое-какие наблюдения. Посмотри на этих несчастных, больше половины из одной семьи. — И я начал вслух читать и пересчитывать имена погибших Пальмизано с первой стелы: — Джузеппе Оронцо Пальмизано (один); Донато, сын Франческо Паоло Пальмизано (два); Сильвестро Пальмизано (три); Джанбаттиста ди Мартино Пальмизано (четыре); Никола ди Мартино Пальмизано (пять); Джузеппе, сын Вито Пальмизано (шесть)...

— *Ventuno, sono ventuno!** — перебил меня глухой голос. Мы обернулись и увидели, что старик на скамейке проснулся.

Когда он сидел прямо, не опираясь на спинку, то казался выше и бодрее. Лицо изборождено морщинами, а глубокий взгляд приковывал внимание. Собака тоже проснулась, но по-прежнему лежала, раскинув лапы.

— Их двадцать один! — повторил старик. — Все погибли в Первую мировую. *La maledizione dei Palmisano!***

Мы с Анной обменялись удивленными взглядами, в ее глазах я читал тот же вопрос, который вертелся на языке у меня. Молча, не стовариваясь, подошли мы к скамейке и сели рядом с человеком, который только что упомянул проклятие семьи Паль-

* Двадцать один, их двадцать один! (*ит.*)

** Проклятие семьи Пальмизано! (*ит.*)

мизано. За следующие несколько часов в этом за-
терянном уголке юга Италии он стал нам почти
родным.